

Л. Кралева

**КОРОВИЦЫНА Н.В. С РОССИЕЙ И БЕЗ НЕЕ:
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ.
М.: АЛГОРИТМ, 2003. — 284 с.**

Затянувшаяся (с точки зрения отдельной человеческой жизни, но не с исторической) пауза в научных, гуманитарных связях стран Средней Европы с Россией не бесконечна. Дезинтеграционные тенденции в отношениях с восточным соседом, как и стран региона между собой, постепенно уходят в прошлое. Они уходят вслед за иллюзиями по поводу теории и практики жесткого неолиберализма прошлого десятилетия, прокатившегося по всем без исключения постсоциалистическим странам. Приходится признать, что движение вперед, выработка стратегии будущего развития требует комплексного и углубленного анализа процессов смены систем рубежа 1980–1990-х гг. По-прежнему мы находимся лишь на пороге широкомасштабных исследований обеих модернизирующих трансформаций, потрясших страны региона в середине и конце XX в. Однако уже неоспоримо приходит осознание необходимости таких исследований и международной дискуссии на эту тему (см.: Machonin 2002). С другой стороны, проступают контуры методологии такого рода исследований — сравнительной, междисциплинарной и культурологической (на основе cultural studies). Такая категория, как «ценность», все более явно отвоевывает свое право стать ключевой в характеристике этапов развития общества и его структурных элементов. Ценностный анализ может лечь в основу понимания полувекового пути развития народов региона к социализму и от него. Анализ «неземных», «тонких субстанций» откроет перед нами перспективу создания живой картины сменяющихся «образов» исторических эпох. А именно такую попытку и делает автор рецензируемой книги. Она ставит перед собой сверхзадачу, нередко задаваясь характерными для русского менталитета «вечными вопросами», на которые далеко не всегда существуют ответы.

Наталья Коровицына из Института славяноведения Российской академии наук известна у нас как специалист по современному чешскому, словацкому, польскому обществу, их современной истории. Ее кандидатская

диссертация была посвящена сдвигам в культурных характеристиках населения Словакии в 1970-е гг., докторская — феномену социалистического типа модернизации на материале истории двух поколений чехов и словаков. Она ищет параллели в развитии наших стран и России, находя их в судьбах и опыте трех поколений наших современников. Особый интерес автор проявляет, естественно, к жизненным путям и ценностям среднего поколения, к которому сама принадлежит, с его уникальным опытом жизни в двух общественных системах. Этой теме посвящена ее книга «Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в.» (1999).

После распада «системы социализма», повлекшей за собой и распад региональной общности средневропейских народов, обществоведы разных стран разошлись по своим «национальным квартирам», а часто и просто были вынуждены сменить сферу деятельности на более высокооплачиваемую. В этой ситуации особенно большое значение имели усилия Натальи Коровицыной интегрировать результаты исследований ученых разных стран — в научном и организационном плане. Вряд ли найдется другой такой знаток работ средневропейских социологов постсоциалистического периода, включая новейшие. Она хорошо известна в Институтах социологии — братиславском, пражском, варшавском — своими инициативами многостороннего сотрудничества, финансовые и организационные ресурсы которых пока крайне ограничены. По результатам международной (с участием ряда наших ведущих специалистов) конференции (см. Machbiek, Kogovicynovb 2001: 387–392), которую Наталья Коровицына провела в Институте славяноведения, вышел сборник «Социокультурные трансформации второй половины XX в. в странах Центральной и Восточной Европы» (2002). Она организовала публикацию целой подборки материалов пражской конференции социологов (май 2001) в российском академическом журнале «Социологические исследования» (см. №№ 5–9, 2002). Фактически этот журнал в последние годы стал регулярно отражать средневропейскую общественную мысль, печатая работы наших авторов и работы самой Коровицыной о современной жизни народов региона.

Чему же посвящена последняя книга Н.В. Коровицыной? Многозначная проблематика системных изменений в Центральной и Восточной Европе рассматривается в ней с точки зрения соотношения базисных понятий — материального и духовного, традиции и современности, Востока и Запада. Позволю себе изложить некоторые представления автора по поводу восточноевропейского пути развития, как они предстают со страниц рецензируемой книги. Оговоримся, что эта книга — не свод догм, а скорее повод, импульс для размышлений и обсуждения, идущий не только от обширной социологической литературы и источников, использованных при работе над книгой, но и от повседневного опыта непосредственного свидетеля перемен.

Социализм «по жизни» был нематериалистическим строем, пытавшимся — и, надо отдать ему должное, долгое время достаточно успешно — «замещать» экономические стимулы человеческой деятельности неэкономическими, сократив до минимума различия в материальном положении людей: основой социальной дифференциации должны были стать знания и

способности. Тем самым нарушался «вековой уклад», который непосредственно связывал общественное положение человека с имущественным, с его «богатством» как показателем и критерием социального статуса. В преимущественно аграрном, на старте соцмодернизации, обществе, где гражданские свободы (как и индивидуальная экономическая инициатива) были предельно ограничены, открылась свобода социального достижения: бывший крестьянин (крестьянка) впервые получили реальную, почти неограниченную возможность превращения в рабочих, горожан, интеллигентов.

На путь «строительства социализма» вступили страны, в большинстве своем (Чехия представляла собой исключение) находившиеся на доиндустриальной, докапиталистической стадии развития. Система, получившая название «социалистической», должна была, по замыслу ее создателей, стать основой осуществления силового, ускоренного, альтернативного западному, развития «минуя капитализм». Была поставлена задача «догнать и перенять» Запад, перешагнув, по нынешней терминологии, от досовременного к постсовременному обществу, от доматериалистической к постматериалистической культуре. Идеалистический и так и не осуществленный до конца социалистический модерн-проект заключался в том, чтобы опередить капиталистические страны, двигавшиеся в том же направлении и к той же цели — блага человека, — но «тривиальным», «земным» путем: через постепенное наращивание уровня материального благосостояния и расширение гражданских свобод. Экономическому и политическому прогрессу социализм стремился противопоставить форсированный прогресс культурный, духовный и существующую по его законам советскую «культурную империю». Этот вариант развития не был чужд народам восточной части европейского континента, для которых ценности «образования» и «равенства» всегда считались приоритетными, а интеллигенция (не буржуазия) играла решающую роль в национальном сплочении и модернизации общества.

Опираясь на традиции дворянской культуры, постаристократическую ментальность, литературцентризм славянских народов, прежде всего русского и польского, социализм с его культом образования сформировал специфическую только для общества восточноевропейского типа социальную категорию — народную интеллигенцию, духовную наследницу «старой» интеллигенции. При этом массовым становился обычно узкий слой духовной элиты. Менталитет крестьянина или рабочего гораздо ближе современной промышленной цивилизации, чем интеллигентский. Но последний был многократно воспроизведен восточноевропейской моделью развития с ее впечатляющими масштабами социально-образовательной мобильности. Мещанско-обывательским нормам жизни была противопоставлена «просоциальная» ориентация, не замыкающаяся в мире обыденных материальных интересов. Массовое ощущение перспективы социального, профессионального достижения действительно оттесняло на задний план материальные, потребительские ценности — дольше всего именно у работников умственного труда. Их переориентация (под влиянием «демонстрационного эффекта Запада») на экономическую мотивацию труда и общественное неравенство в расчете на «исправление» системы в пользу обладателей высшей квалификации, и при-

вела к краху социалистического эксперимента и фактически к самоликвидации интеллигенции, к безальтернативности современного мира.

Дело в том, что восточноевропейский вариант модернизации «консервировал» многие традиционные нравы, ценности народов региона, которые сохранялись здесь в практически неизменном виде до конца XX в. Сложные связи традиции и современности, не сводимые к их противопоставлению, к середине 1970-х гг. породили явно опережавшего свое время молодого городского интеллигента, который стал массовым явлением. Тогда только начинала утверждаться ориентация на постматериалистические ценности: именно молодежь, входя в общественную жизнь, приносила в нее эти ценности. Как и западного сверстника, восточноевропейского постматериалиста сформировало ощущение безопасности, в условиях государственного патернализма — еще и уверенности в завтрашнем дне, доверчивости, завышенных ожиданий и мечтательности. В это время утверждается модель социализма, получившая в польской социологии название «лирической», или «технократического патриотического сентиментализма». Общество, только что пережившее мощные социальные перемещения, еще продолжало жить энергией восхождения, объективные — экономические и политические — возможности которой были уже явно исчерпаны. Эта энергия реализовалась в эмоциональном фоне бархатной революции, сразу вслед за которой последовал трансформационный «шок», призвавший на общественную сцену совсем других «действующих лиц».

Вместе с тем, по мнению автора книги, интеллигенция в те годы была близка к созданию восточноевропейской версии культуры постмодерна, перешагнув от доматериализма к постматериализму. Уникальный синтез традиции и постмодерна, воплотившийся в культурном опыте двух послевоенных поколений национальной интеллигенции, она рассматривает как «вершину» восточноевропейского пути развития, достигнутую к началу 1980-х гг. Именно тогда собственные пути развития народов Средней Европы, субъектом которых и выступала интеллигенция, приходили на смену заимствованным вненациональным образцам и моделям. Между протестными волнами, инициированными чешским образованным классом в 1968 г., польским в 1980–1981 гг. и героико-романтическим финалом консервативной модернизации в 1989 г. пролегал несостоявшийся путь интеллигенции к власти.

Переход к рыночным отношениям сопровождался форсированной «материализацией» сознания народов региона. Естественное для современного человека стремление к самовыражению было канализировано в материальную плоскость. Но для последователей двухвековой дворянско-аристократической традиции, выращенных коммунистическим режимом, этот переход означал «несовместимый с жизнью» сдвиг в ментальности, жизненных ориентациях, ценностях. Вместе с феноменом «социалистического постмодерна» народная интеллигенция была обречена превратиться в достояние истории.

Вынужденная мобилизация традиционных механизмов выживания и самосохранения на этот раз — при переходе к капитализму — сочеталась с утверждением материалистической мотивации, т. е. историческим регрессом и утерей части социокультурного потенциала, наработанного на поздне-

социалистическом этапе с его идеалистическими представлениями и утопическими проектами. Экспансия прагматизма и сплошного материализма привела к сужению духовного мира восточноевропейского человека. Если в начале 1980-х гг. по доле лиц с постматериалистическими ценностями Польша была одной из первых среди наиболее развитых стран Запада, то десятилетие спустя эта доля сократилась до минимальных на общем фоне значений. На новом «повороте истории» направления эволюции западной и восточной частей Европы в этом смысле не столько сблизились, сколько разошлись.

Однако заключение книги достаточно оптимистическое — о продолжающемся воспроизводстве интеллигенции, массового стремления к социально-образовательному «восхождению» в следующих поколениях как базисном элементе идентичности народов региона, как их глубинной традиции — альтернативной традиции буржуазности и чисто экономических мотивов человеческой деятельности. Очевидно, именно в этой социальной и культурной плоскости — исторически, но особенно сегодня, в современную эпоху экспансии духовного, фокусируются взаимно необходимые «контактные сферы» наших народов с Россией. Для нее «материализация» культуры оказалась не только более масштабной, но и приобрела характер национальной катастрофы.

Литература

Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.

Социокультурные трансформации второй половины XX в. в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002.

Macháček L., Korovicynová N. Slovanský svet v epoche systémových transformácií-medzinárodná vedecká konferencia // Sociológia. 2001. No. 4. S. 387–392

Machonin P. Je čas k zásadní dikusi // Sociologický časopis. 2002. No. 1–2.